ИСТОРИОГРАФИЯ

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РУСИ XIV—XVI вв. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. Л. Хорошкевич

Период образования и укрепления Русского централизованного государства (XIV—XVI вв.) постоянно привлекает внимание советских исследователей. Подробному и глубокому изучению подвергаются политическая и социально-экономическая стороны этого процесса [1]. Только советская историография поставила и в целом разрешила вопрос о социально-экономических предпосылках образования Русского централизованного государства, впервые обратилась к проблеме складывания всероссийского рынка и к ряду других проблем.

В трудах советских исследователей опровергнута весьма распространенная в дореволюционной и современной зарубежной буржуазной историографии теория об исключительности исторического развития России. В них показаны закономерности образования Русского централизованного государства в условиях быстрого роста городов, расширения товарно-денежных отношений, обострения классовой борьбы угнетенного крестьянства — закономерности, общие для всех европейских стран, проявлявшиеся различно в зависимости от своеобразия исторического развития каждой из этих стран.

Проблема внешней торговли Руси XIV—XVI вв. для советских историков органически связана с вопросом о закономерностях образования Русского централизованного государства и предпосылках его складывания.

В работах, изданных в последние годы, отображена борьба против татаро-монгольского ига, сопровождавшаяся укреплением экономических связей Руси с западными и восточными соседями. В результате свержения татаро-монгольского ига Русь вернула себе положение ведущей европейской державы, активно участвовавшей во всех международных событиях. К этому времени относится возникновение главных внешнеполитических задач Русского государства, решение которых растянулось на ряд столетий [2].

В монографиях В. Г. Сыроечковского и М. В. Фехнер рассмотрены южное и восточное направления русской внешней торговли XIV—XVI веков [3]. Из работы М. В. Фехнер ясно, что в отношении южных и восточных

---

[1] С. В. Бахрушин. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—XVII вв. «Научные труды». Т. I. М. 1952; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948; А. М. Сахаров. Ремесленное производство в городах Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. «Вопросы истории», 1955, № 4; М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М. 1943; его же. Средневековая Москва XIV—XV вв. М. 1957; его же. Древнерусские города. 2-е изд. М. 1956; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Т. I. М.-Л. 1948; т. 2. М. 1951, и другие работы.

[2] К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М. 1952; В. Д. Королюк. Ливонская война. М. 1956.

[3] В. Г. Сыроечковский. Гости-сурожане. М. 1935; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд. М. 1956.

соседей Русь выступала в качестве экспортера различных товаров ремесленного производства.

В советской историографии подвергся пересмотру и вопрос о характере экономических отношений Руси и Ганзы в XIV—XV веках. Вопреки бытовавшему ранее мнению о колониальном характере торговли Ганзы на Руси М. П. Лесников выдвинул мысль об экономическом равноправии Новгорода и Ганзы, доказал огромную роль Новгорода для развития всей североевропейской торговли XIV—XV веков [4].

История политических взаимоотношений Руси с Ганзой в XV в.— предмет специальных исследований Н. А. Казаковой. В ее работах показано, как окрепшая в политическом и экономическом отношениях Русь подорвала могущество Ганзы, которого последняя уже не сумела себе вернуть [5]. Начато изучение выборгской торговли в середине XVI века [6].

Русско-французская торговля конца XVI и первой половины XVII в. проанализирована в работе Г. Жордания [7].

Следует отметить, что советские историки изучают внешнюю торговлю Руси в XIV—XVI вв. в тесной связи с уровнем развития производительных сил и социально-экономических особенностей стран-контрагентов в данный период.

В нашей стране ведется большая работа по публикации новых источников. Дальнейшему изучению внешней торговли Руси XIV—XVI вв., несомненно, будет содействовать ввод в научный оборот таких источников, как посольские книги, духовные грамоты, приходо-расходные книги монастырей и т. д.[8]. В том же направлении изучают эту тему историки стран народной демократии: Польши [9], Чехословакии [10], Румынии [11]. В их трудах поставлена проблема социальных последствий развития внешней торговли для Руси [12].

---

[4] М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. П. Потемкина. Вып. I, т. VIII. М. 1948; его же. Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV в. Из истории торговых сношений. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1951, № 5; его же. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в. «Исторические записки». Т. 39; его же. Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV — начале XV в. Сборник «Средние века». Вып. VII. М. 1955; его же. Die livländische Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des 15. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». VI. Jg., 1958. Hf. 2, S. 285—303.

[5] Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. «Исторические записки». Т. 28; ее же. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV века. «Исторические записки». Т. 47.

[6] Г. А. Новицкий. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях XVI в. «Скандинавский сборник». Вып. 2. М. 1957.

[7] Г. Жордания. Очерки по истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII века. Т. I. Тбилиси. 1959.

[8] В настоящее время А. Г. Маньковым подготовлен к печати первый том хозяйственных книг монастырей XVI в. (книги Иосифо-Волоколамского монастыря). Наши историки не ограничиваются публикацией только русских источников. М. П. Лесников недавно издал торговую книгу Г. Фекингузена. «Исторический архив», 1958, № 2.

[9] A. Wawrzyńczyk. Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosią w XVI wieku. Warszawa. 1956; ее же. Rola Warszawy w handlu z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosią w XVI w. «Kwartalnik Historyczny». R. 63, z. 2 1956, s. 1—26; A. Kersten. Kontakty gospodarcze Wielkiego Nowogroda z Litwą Polską i miastami poludnio — niemieckimi w XV w. «Slavia orientalis». R. VII. № 1. Warszawa. 1958. s. 130—166.

[10] A. V. Florovskij. Česko-ruské obchodni styky v minulosti (X—XVIII století). Praha. 1954.

[11] P. Constantinescu-Jaşi. Relaţiile culturale romîno-ruse din trecut. Bucureşti. 1954; T. Jonescu-Nişcov, A. Constantinescu. Relaţii comerciale romîno-ruse iu a dona jumătata a secoiului al XVII—lea. «Analele romîno-sovietice». Bucureşti. 1956, № 3.

[12] M. Malowist. Über den Handel des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert. «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 75. 1957; его же Poland, Russia and Western Trade in the 15th. and 16th. centuries. «Past and Present», April, 1958, № 13 и другие работы.

Однако до сих пор вопросы о том, какое место занимали русские товары в общем товарообороте Европы, в чьих интересах происходило расширение внешнеэкономических связей Руси с другими европейскими странами, уже вступившими в XVI в. на путь капиталистического развития, консервировала ли внешняя торговля старые формы экономики или способствовала нарождению новых, нуждаются, как справедливо отмечал С. Д. Сказкин [13], в дополнительном исследовании для всех стран Восточной Европы.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые стороны проблемы в трактовке современной буржуазной историографии.

Большинство работ, опубликованных в послевоенный период,— небольшие журнальные статьи, которые обычно не ставят своей задачей полностью осветить историю внешней торговли Руси в XIV—XVI веках. Единственное исключение составляет труд А. Аттмана о внешней торговле и внешней политике Руси XVI в.; в нем рассмотрены все вопросы, изучаемые в зарубежной историографии: структура товарооборота, размеры торговли и ее динамика, характер торгового и платежного баланса, основные географические направления торговли и их изменения.

Зарубежные исследователи изучают лишь западное направление русской внешней торговли, недооценивая южное и восточное направления для развития русской экономики.

Статья западногерманского историка П. Йохансена «Новгород и Ганза» представляет собой попытку дать суммарную характеристику развития Новгорода, его экономической и политической истории [14]. В отличие от фашистской историографии, сводившей на нет роль русских в развитии внешнеторговых связей Руси, утверждавшей, будто вся русская торговля, а вместе с тем и развитие Новгорода находились в руках немецкого ганзейского купечества, автор под влиянием работ советских историков (прежде всего М. П. Лесникова) признает огромную роль Великого Новгорода в балтийской торговле. Ту же мысль проводит он и в коллективном историографическом обзоре западноевропейских работ по экономической истории Европы XIV—XVI вв., представленном X международному конгрессу историков в Риме [15].

Однако, ограничивая свою задачу вопросами об исторических судьбах, своеобразии и топографии Новгорода, автор вопреки убедительным доказательствам памятников письменности и материальной культуры утверждает, будто Новгород был основан норманнами, а затем благодаря постоянным связям со скандинавами и их преемниками в лице ганзейских купцов стал городом, весьма близким ганзейским городам Западной Европы. Йохансен даже заявляет, что новгородцы якобы превратились в особый тип людей, весьма отличный от обычного славянского [16]. Другой немецкий историк, Г. Штекль, утверждает, что до сих пор не ясно, насколько Новгород, испытывавший якобы сильное западноевропейское влияние, типичен для Руси [17].

В оценке непосредственных отношений Новгорода и Ганзы П. Йохансен снова возвращается к представлениям немецкого национализма прошлого века. Проблему взаимоотношений Новгорода и Ганзы он ограничивает только юридической стороной, не ставя даже вопроса о характе-

---

[13] С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «Второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

[14] P. Johansen. Novgorod und die Hanse. «Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte». Lübeck. 1953, S. 121—144.

[15] M. Mollat, P. Johansen, M. Postan, A. Sapori, Ch. Verlinden. L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen Age Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze Storiche Vol. III. Firenze. 1955, pp. 781—782.

[16] P. Johansen. Novgorod und die Hanse, S. 123.

[17] G. Stökl. Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Bd. 4, Hf. 2. 1956, S. 205.

ре их экономических связей, о влиянии последних на социально-экономическое развитие и Новгорода и Ганзы. В основу периодизации внешней торговли Новгорода автор кладет совершенно неправильный принцип смены его контрагентов, принцип, получивший распространение в немецкой буржуазной историографии со времени появления работы М. Гурланда в 1913 году [18]. Внешняя торговля Новгорода в изложении М. Гурланда — П. Йохансена выглядит как смена господства Висби (XII в.— 1293 г.) совместным господством Висби—Любека (1293—1392 гг.), далее — Любека—Висби и ливонских городов (1392—1442 гг.) и, наконец, одних только ливонских городов (1442—1494 гг.). Авторы этой концепции полностью отрицают активную роль Руси, связь внешней торговли с внутренним политическим и экономическим развитием Новгорода.

Таким образом, статья П. Йохансена не вносит ничего нового в изучаемую проблему и воскрешает избитые доводы немецкой националистической историографии, смыкаясь в этом с представителями «Ostforschung»[19].

Попытку дать общую характеристику русской внешней торговли сделал В. Кирхнер [20]. Он утверждает, что в XI—XIV вв. русские вообще не были заинтересованы в активной торговле, поскольку их торговый баланс и без того был активным, а запрещения торговли со стороны других государств не были страшны для Руси, так как в ее распоряжении находилось несколько различных каналов торговли. Автор полностью абстрагируется от конкретно-исторической обстановки, он «забывает» упомянуть о таких фактах, как татаро-монгольское нашествие, надолго затормозившее развитие производительных сил страны, агрессия немецких рыцарей на западе, отрезавшая Русь от непосредственных выходов к морю.

Подобная постановка вопроса не случайна. В другой своей работе В. Кирхнер выступает с открытым оправданием агрессии Тевтонского ордена. Только она, по его мнению, принесла свет просвещения народам Прибалтики и сделала их полноправными членами мифической западноевропейской общности [21], которую изобретают современные защитники НАТО для исторического обоснования этой организации.

Так же несостоятельно его объяснение причин слабого развития активной внешней торговли Русского государства и на следующем этапе. Впрочем, в XV в. у русских, по словам В. Кирхнера, вдруг появился интерес к морской торговле. Можно подумать, что к этому времени неожиданно перестали действовать факторы, которые ранее, по утверждению автора, исключали возможность появления такого интереса,— торговый баланс стал пассивным и исчезли различные направления внешнеторговых связей Руси. В XV в., по В. Кирхнеру, неудачи русского купечества в активной внешней торговле объяснялись еще более «вескими» основаниями, а именно: плохим воспитанием русских, а потому и нелюбовью к ним со стороны европейцев. Немало препятствовала развитию активной внешней торговли и неосведомленность русских купцов о ценах на европейских рынках. Именно эти обстоятельства сковывали развитие активной внешней торговли, объявляет В. Кирхнер, а вовсе не слабость страны после неизжитого еще татаро-монгольского ига, не противодействие Тевтонского ордена, занявшего ключевые позиции у

---

[18] M. Gurland. Der St-Petershof zu Nowgorod 1361—1494. Innere Hofverhältnisse. Diss. Göttingen. 1913.

[19] Подробную характеристику этого направления см. В. Т. Пашуто. Так называемое «Изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 60—76.

[20] W. Kirchner. Über den russischen Außenhandel zu Beginn der Neuzeit. «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. 42. Hf. 1. Wiesbaden. 1955, S. 40—56.

[21] W. Kirchner. The Rise of the Baltic Question. New York. 1954, p. 256.

выхода на Балтийское море, не активное сопротивление Ганзы, стремившейся любым способом подавить в зародыше конкуренцию любого соперника.

В. Кирхнер отмечает резкое увеличение русской торговли в XVI в., приводя в качестве доказательств многочисленные документальные свидетельства, впервые извлеченные им из архивов, главным образом датских. Тем не менее автор недооценивает размеры активной торговли русских, он не учитывает сведений важнейшего русского источника — так называемой Торговой книги, последовательно указывавшей цены на русском и иностранном рынках и являвшейся, по-видимому, руководством для русских купцов, ездивших за границу.

В XVI в. попытки развития активной внешней торговли, по мнению В. Кирхнера, закончились провалом. Объясняя это, В. Кирхнер возвращается к своей, по существу, правильной мысли об активном балансе русской торговли. Наряду с этим он подчеркивает отсутствие на Руси собственных купцов типа Фуггеров, за исключением Строгановых. Наконец, в качестве последней причины он выдвигает слабость развития торговли в Дании — союзнице русских.

Изложение причин слабого развития внешней торговли в XVI в. также страдает присущей В. Кирхнеру ограниченностью. Он абстрагируется от внешнеполитической обстановки, проходит мимо огромных трудностей, которые встретили русские купцы при своем продвижении на североевропейские рынки.

Совершенно неверна концепция автора о том, что русская внешняя торговля могла направляться исключительно в сторону Европы. Именно в XVI в. наблюдается быстрое расширение активной торговли Руси с ее восточными соседями.

Конкретные наблюдения над внешней торговлей Руси XI—XVI вв. В. Кирхнер распространяет на всю ее историю, утверждая, что для России характерно якобы слабое развитие внешнеторговых связей. Конечной причиной этого, по мнению автора, является ее своеобразие. «Россия всегда шла своим собственным путем, и каждая фаза ее развития отражает то своеобразие, которое характеризует всю историю России» [22],— пишет В. Кирхнер.

Теория исключительности исторического развития России, проповедуемая и В. Кирхнером, давно уже приобрела весьма недвусмысленное политическое звучание. В основе ее лежит стремление доказать случайный характер социалистической революции в нашей стране, якобы представляющей собою не закономерный итог развития капитализма, а лишь частное отклонение от общего пути. В работе «Подъем Балтийского вопроса» В. Кирхнер толкует о вечной будто бы противоположности и враждебности Запада и Востока, их религиозных противоречиях и т. д.

Логика автора и методика его работы ясны: любыми средствами доказать исключительность России, искусственно подобранным конкретно-историческим материалом подтвердить мысль об «особом пути» Руси, принципиально отличающемся от развития всех остальных европейских стран. Философия не новая. Пропагандой ее занимались и занимаются реакционеры всех толков и направлений чуть ли не с первых дней Советской власти. Историческая действительность на каждом шагу наносит один удар за другим по этой теории.

В среде буржуазных ученых Западной Европы есть историки, более объективно изображающие прошлое нашей Родины. Их исследования посвящены преимущественно XVI в., открывшему новый этап в развитии русской внешней торговли.

---

[22] W. Kirchner. Über den russischen Außenhandel..., S. 52.

В XVI в. начался быстрый рост производительных сил, значительно выросли экспортные возможности Русского централизованного государства. В это время страна после длительного перерыва вновь получила открытый доступ на Балтику, смогла установить прямые связи с рядом европейских государств. Однако развитие русской внешней торговли наталкивалось на упорное сопротивление прежде всего Ливонского ордена и Ганзы. Поскольку в первой половине века торговая блокада ордена препятствовала развитию прямых связей через Балтику, русское купечество искало и находило другие, более доступные пути. В связи с изменением внешнеполитической обстановки на первый план выступали различные направления транзитной торговли — Великое княжество Литовское, Выборг, Нарва, а также самые северные районы на побережье Белого моря. Роль каждого из этих направлений охарактеризована шведским историком А. Аттманом [23].

Этот исследователь отмечает, что некоторую роль в экспорте русских товаров продолжали играть ливонские города, экономика которых в XVI в., как и в более позднее время, основывалась прежде всего на транзитной торговле с Русью [24]. Рига даже во второй половине XVI в., судя по таможенной книге 1596 г., получала основную массу своих экспортных товаров из русских земель, главным образом белорусских [25].

Ревель (Таллин), торговля которого была подорвана в связи с перемещением торгового центра в Нарву [26], после 1581 г. не вернул себе прежнего положения, однако и в его экспорте значительное место занимали русские товары [27].

В 1558—1559 гг. функции транзитного центра по торговле с Западной Европой перешли к Выборгу [28]. Хотя в эти два года торговля Выборга достигла невиданных здесь размеров, препятствием для ее дальнейшего развития оказались недостаток капиталов у местных купцов, высокие таможенные пошлины, взимавшиеся в пользу Швеции, ограниченность ассортимента и рутинные методы торговли, которые принесли с собой любекские купцы, почти полностью (на 70—80%) забравшие в свои руки торговлю города [29].

Кульминационным моментом в развитии русской внешней торговли с Северной и Западной Европой является так называемое «Нарвское плавание», рассмотрение истории которого открывает дополнительные возможности для анализа экономики Русского централизованного госу-

---

[23] A. Attman. Den ryska marknaden i 1500—talets baltiska politik 1558—1595. Lund. 1944. Общую характеристику исследования А. Аттмана дал Х. Х. Круус в своей рецензии на книгу С. Свенссона. («Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 177—178). См. также обзор зарубежных работ по «балтийскому вопросу» (Х. Х. Круус. «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе. «Вопросы истории», 1959, № 6).

[24] См. работу Г. Миквитца о ревельской торговле 40—50-х годов XVI века. G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbüchern. Helsingfors. 1938.

[25] A. Attman. Указ соч., стр. 36—37.

[26] Первое резкое сокращение торговли Ревеля произошло в 1557—1558 гг., то есть в период возвышения Выборга, второе — в 1563 г. (оно связано с ростом нарвской торговли). Позже уровень ревельской торговли составлял лишь одну восьмую уровня 1550—1556 годов.

[27] A. Attman. Указ. соч., стр. 32—33; Х. Х. Круус. «Балтийский вопрос» в XVI в. ..., стр. 113.

[28] На роль Выборга указывал уже Г. В. Форстен (Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях. Т. I. СПБ. 1893, стр. 161—162). Наиболее внимательно изучил торговлю этого города в конце 50-х годов XVI в. А. Аттман. (Указ. соч., стр. 45—46, 124—134). См. также Г. А. Новицкий. Указ. соч.

[29] На последнее обстоятельство вслед за Г. Миквитцем (G. Mickwitz. Die Hansakaufleute in Wiborg, 1558—1559. Historiallinen arkisto. T XLV. 1939) обратил внимание и П. Жанен (P. Jeannin. L'économie française au milieu du XVI siécle et le marché russe. «Annales», janvier — mars 1954. № 1, p. 39).

дарства [30]. Нарвской торговле посвящен ряд работ зарубежных исследователей.

Основным, хотя и неполным, источником для изучения объема нарвской торговли являются зундские таможенные книги. Поскольку в них не учитывалась навигация в городах, расположенных к востоку от Ютландского полуострова, нельзя установить даже количество судов, приходивших в порт. Не полны сведения и о судах, следовавших через Зунд. В связи с тем, что грузы, экспортировавшиеся из Нарвы, облагались более высокой пошлиной, не редки были случаи, когда место назначения или отправления кораблей скрывалось [31].

А. Аттман, однако, сделал попытку суммировать данные зундских книг. До 1564 г. они почти не дают материала для суждения о размахе «Нарвского плавания»; сообщаемые ими данные о числе кораблей, прибывавших из Нарвы (7 — в 1562 г., 3 — в 1563 г. и 12 — в 1564 г.), не исчерпывают всего количества западноевропейских судов, заходивших в этот порт. После 1564 г. сведения становятся более полными: в 1565 г.— 40 кораблей, в 1566 г. —98, в 1567 г. —76, в 1568 г. —59, в 1569 г. —16, в 1570 г.— 22, в 1575 г.— 13, в 1578 г.— 27, в 1579 г.— 26 [32]. Однако эти минимальные цифры можно пополнить с помощью других источников; так, из Любека в 1564 г. прибыло еще 22 корабля, в 1567 г.— 33, а в 1570 г.— 40 [33]. Исследователь англо-русской торговли Т. С. Виллан указывает и размеры торговли англичан в Нарве. Русская компания отправила в Нарву в 1567 г. 7 кораблей, в 1568 г.— 4, в 1569 г.— 3, в 1570 г.— 13 [34]. Кроме того, в Нарву отправляли свои суда и английские купцы, не состоявшие членами компании, размеры торговли которых не поддаются точному подсчету. Таким образом, по имеющимся в настоящее время данным, количество судов, ежегодно приходивших в Нарву, в среднем колебалось в пределах 100 [35].

В оценке значения «Нарвского плавания» для социально-экономического развития Европы мнения европейских историков резко расходятся. А. Аттман видит в нарвской торговле лишь перераспределение торговой деятельности между прибалтийскими городами. Совсем иначе оценивает ее В. Кирхнер [36]. Общим и основным итогом «Нарвского плавания» он считает «преобразование всего существующего порядка в экономическом плане» [37]. В событиях второй половины XVI в. В. Кирхнер увидел

---

[30] Нарва — единственный порт, торговля которого рисует точную картину русского экспорта, поскольку русские товары в экспорте Нарвы составляли от 33 до 94% (A. Attman. Указ. соч., стр. 50).

[31] На ограниченность сведений зундских таможенных книг указывал еще А. Христенсен. A. E. Christensen. Der handelsgeschichtliche Wert der Sundzollregister. «Hansische Geschichtsblätter». Bd. 59. 1934, S. 28—142; см. также A. Attman. Указ. соч., стр. 48—49.

[32] A. Attman. Указ. соч., стр. 407.

[33] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. I, стр. 383, 417.

[34] T. S. Willan. The Early History of the Russia Company 1553—1603. Manchester. 1956, p. 82. Советская исследовательница этого же вопроса Н. П. Черкашина указывает более высокие цифры: для 1564 г.— 12 кораблей, для 1568 г.— 20. См. Н. П. Черкашина. История московской торговой компании в XVI—XVII вв. (рукопись кандидатской диссертации). М. 1953.

[35] Эта цифра подтверждается и свидетельствами иностранцев (Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПБ. 1905, стр. 14) и данными русских источников (так, Никоновская летопись сообщает о прибытии в Нарву в 1567 г. 70 кораблей. ПСРЛ. Т. XIII, стр. 245). По-видимому, сведения Я. С. Лурье о ежегодном прибытии в Нарву от 200 до 300 голландских кораблей являются преувеличенными (Я. С. Лурье. Внешняя торговля. Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в. М. 1955, стр. 272).

[36] W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas im 16. Jahrhundert. Ein Beitrag zum Studien der Beziehungen zwischen Russland und Europa. «Historische Zeitschrift» Bd. 172, Hf. 2, 1951, S. 265—284. Подробный разбор статьи В. Кирхнера произведен С. А. Фейгиной. См. С. А. Фейгина. По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI—XVIII веках. «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 205.

[37] W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas... S. 271.

прообраз того воздействия, которое России якобы суждено было оказывать на Запад. Следуя распространенному среди историков «Ostforschung» мнению о том, что торговля с Русью подрывала «единство» европейского мира, В. Кирхнер утверждает, будто и нарвская торговля вызывала противоречия внутри «общности» европейских стран, «общности», к которой Россия никогда не принадлежала, а, наоборот, всегда противостояла ей.

На примере «научной» деятельности В. Кирхнера, наиболее последовательного поборника теорий «Ostforschung», ясно видно, что идеи «изучения Востока» и— идеи западногерманского реваншизма — проникают в область не только политической, но и экономической истории.

Для В. Кирхнера не существует закономерностей, всегда конкретно-исторических, не существует различных социально-экономических формаций. Вслед за Тойнби, Шпенглером, Бердяевым он обращается к методу внеисторических аналогий; поэтому уроки «Нарвского плавания» он переносит и на XX век. У стран Западной Европы уже в XVI в. В. Кирхнер видит характерное для современных империалистических держав Запада стремление опустить «железный занавес» перед Русью, стремление, не осуществившееся, по его мнению, из-за установления прямых торговых связей Руси с другими европейскими странами через Нарву.

Модернизм В. Кирхнера был подвергнут критике французским ученым П. Жаненом. На основании статистических данных, характеризующих нарвскую торговлю, П. Жанен поддержал точку зрения А. Аттмана и пришел к выводу, что нарвская торговля не могла угрожать Данцигу [38].

Временное присоединение Нарвы к Русскому централизованному государству облегчило установление прямых экономических связей со всей Европой, в том числе и с теми странами, которые до этого времени не принимали участия в торговле с русскими.

Лишь во второй половине XVI в. завязались регулярные торговые связи с Францией. Начальный период экономических сношений России с Францией изучен еще недостаточно; даже последняя работа Г. Жордания касается лишь самого конца XVI века. Между тем некоторые указания о французской торговле на Балтике с помощью ганзейских купцов относятся уже к концу XV века. Непериодические торговые связи между Францией и Россией существовали и в первой половине XVI века [39].

Историей русско-французской торговли в Нарве специально занимался В. Кирхнер [40]. Однако круг источников, привлеченных им, не полон (это преимущественно дипломатические источники и отчасти зундские таможенные книги).

Так, не различая кораблей с французским грузом и французских кораблей [41], В. Кирхнер в основу своей периодизации русско-французских экономических связей второй половины XVI в. положил данные о навигации голландцев. По его наблюдениям, уже в 1557 г. из 1 150 судов, миновавших Зунд, 247 было с французским грузом [42], резкое падение торговли произошло в 1569 г., а новое ее увеличение имело место только

---

[38] P. Jeannin. L'économie française..., p. 41.

[39] Там же, стр. 24; M. Mollat. Le commerce maritime normand à la fin du moyen âge. Paris. 1952, pp. 198, 199, 476.

[40] W. Kirchner. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550—1650). «Revue historique». T. CCII. Octobre — décembre 1949, pp. 161—183. Дополнительные сравнительно с данными В. Кирхнера сведения о французской торговле в Нарве см. P. Jeannin. Les relations économiques des villes de la Baltique avec Anvers au XVI-e siècle. «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. 43, Hf. 4. Wiesbaden. 1956, S. 329.

[41] Поэтому он считает их вместе и для характеристики французской торговли использует сведения о голландской торговле на Балтике. В 1578—1581 гг. через Зунд проходило около 200 судов, причем в 1580 г.— даже 294, в 1587 г.— 348, в 1590—1595 гг.— около 250. См. W. Kirchner. Le commencement..., p. 173.

[42] Там же, стр. 165, 173.

в 70—80-х годах XVI века. Иная эволюция характерна для собственно французской навигации: заметное увеличение ее произошло около 1560 г., затем, после кратковременного понижения, она вступила в новую полосу подъема (около 1575 г.), но продолжала все же оставаться на сравнительно невысоком уровне (20—30 судов в год) вплоть до первого десятилетия XVII века [43].

Периодизацию русско-французской торговли второй половины XVI в., предложенную В. Кирхнером, оспаривает П. Жанен [44]. Хотя последний утверждает, что выступает против «политико-экономического» принципа этой периодизации, на деле же он спорит только с ограниченным пониманием ее и предлагает ввести в качестве одного из определяющих критериев все политические события не только в Восточной Балтике, но и в самой Франции и в соседних с ней государствах Западной Европы. Так, резкое сокращение количества судов, вышедших из Франции в Балтику в 1577 г., он считает результатом не шведской блокады Нарвы, а взаимоотношений Испании, Франции и Нидерландов. Одновременно с французскими уменьшилось и число голландских кораблей, а число немецких, прошедших через Зунд, значительно увеличилось.

Французские купцы торговали не только в Нарве. Одновременно с англичанами они появлялись и на Крайнем Севере, в районе Колы. В конце XVI в. они проникли в глубь России и вели торговлю даже в Москве, где существовали два общества: одно — из уроженцев Лилля (братья Драгон, де Мушерон) и другое — из парижан (Ла Бистрад, Н. де Ренель, Ж. Паран) [45].

Тем не менее торговля французских купцов с русскими по объему значительно уступала англо-русской. Здесь сказывались особенности экономического развития Франции. Меньшее, сравнительно с Англией, значение для нее имела морская торговля; для Франции была характерна и иная ориентация: главным образом на юг и на запад,— а в связи с этим и меньшая заинтересованность в русских товарах. Развитию франко-русской торговли в немалой степени препятствовала и внутриполитическая обстановка в самой Франции. Однако уже самый факт наличия экономических связей с Русью в период религиозных войн служит свидетельством необходимости для Франции этой торговли, хотя в ней активно участвовало только несколько районов страны: Северная Нормандия, в особенности Дьепп, Бретань, Сан-Мало, Кале, Ла-Рошель и Бордо.

Из всего комплекса вопросов, связанных с историей западной торговли Руси в XVI в., наибольшее внимание русская и советская историография уделяла англо-русской торговле через Белое море. Благодаря изысканиям И. И. Любименко, Я. С. Лурье, Н. П. Черкашиной и других изучена главным образом история англо-русских политических отношений по материалам дипломатических переговоров, лишь косвенно характеризующим экономические связи [46].

Немногочисленные архивные материалы легли в основу исследова-

---

[43] Те же цифры дает и А. Аттман (см. A. Attman. Указ. соч., стр. 155, 407).

[44] P. Jeannin. L'économie française..., p. 24—25.

[45] E. Coornaert. Les échanges de la France avec l'Allemagne et les pays du Nord au XVI-e siècle. «Revue d'histoire économique et sociale». Paris, 1957. Vol. XXXV. № 3, p. 250. См. также Г. Жордания. Указ. соч., стр. 84—88.

[46] J. J. Lubimenko. Les relations commerciales et politiques de l'Angletterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris. 1933, и др. ее работы; Я. С. Лурье. Письма Джерома Горсея. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. 1941, № 73, вып. 8; его же. Английская политика на Руси в конце XVI в. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 61, 1947; его же. Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана Грозного. «Послания Ивана Грозного». М.-Л. 1951; его же «Открытие Англии» русскими в начале XVI века. «Географический сборник». Ч. 3. М.-Л. 1954. Кроме того, имеется несколько неопубликованных диссертаций, посвященных этой теме: Н. П. Черкашиной, А. И. Копылова, Н. Ф Прончатова и других.

ний профессора Манчестерского университета Т. С. Виллана [47]. Последняя его работа, «Ранняя история Русской компании. 1553—1603», интересная по своему фактическому материалу, страдает недостатками, присущими буржуазной историографии. В ней отсутствует анализ социально-экономического развития не только России, но и Англии, характеристика английской колониальной политики, целей и объективной роли Русской компании в развитии англо-русских отношений. Наступление на русские рынки, организованное как государственное дело и составлявшее основную задачу Русской компании, рассматривается им чуть ли не как благодеяние со стороны Англии. Т. С. Виллан отрицает колонизаторские устремления компании, хотя они отчетливо были выражены уже в тексте хартии от 26 февраля 1555 года. Он вынужден, правда, признать, что главной целью компании был захват новых рынков [48].

В отличие от многих английских историков Т. С. Виллан дает более осторожную оценку того положения, которое английская компания заняла в России. Учитывая мнение русских историков о том, что «Копия привилегий», дарованных русским царем английским купцам в 1555 г., в той ее версии, которая опубликована Хаклюитом, излагает лишь требования английских купцов [49] и что другой вариант этого документа, изданный Гамелем [50], точнее отражает подлинник, Т. С. Виллан, тем не менее, утверждает, будто английские купцы с самого начала сумели настоять на всех своих требованиях [51]. В действительности же англичане в 1555 г. еще не получили права строить свои фактории, бесконтрольно использовать русских на своей службе, свободно въезжать в Россию и выезжать из ее пределов.

Недостаточное внимание уделяет Т. С. Виллан и желанию русских с помощью торговли и различных привилегий проложить путь к заключению союза, особенно ярко выразившемуся в ходе событий 1569—1570 годов. В отличие от других буржуазных ученых этот автор при характеристике положения Московской компании в России не ограничивается рассмотрением только привилегии 1569 г., просуществовавшей всего лишь один год и четыре месяца, а изучает привилегии 1567, 1569, 1570, 1572, 1584, 1586, 1596 и 1598 годов. Но он не раскрывает причин предоставления широких привилегий в 1569 г. и главной из них — стремления заручиться поддержкой Англии, заключить союз, направленный против Польши и Швеции [52]. Неудача русского посольства 1570 г. во главе с Савиным заставила Ивана Грозного ликвидировать все привилегии, предоставленные ранее англичанам [53]. Вопрос об англо-русском союзе к 1572 г. отошел на задний план: тогда более остро стоял вопрос о кандидатуре на польский престол [54]. Это отразилось и на привилегии 1572 г.: англи-

---

[47] T. S. Willan. Trade Between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century. «The English Historical Review». Vol. LXIII. 1948. № 248, pp. 307—321; его же. The Russia Company and Narva. 1558—1581. «The Slavonic and East European Review». Vol. XXXI June 1953, pp. 405—419. (Об этой работе см. С. А. Фейгина. Указ., соч., стр. 205); его же. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester University Press. 1953; его же. The Early History of the Russia Company 1553—1603. Manchester. 1956. Работы Т. С. Виллана были одобрительно встречены за рубежом. См. рецензии Д. Колемана, В. Кирхнера, Р. Фишера, Н. Ханта.

[48] T. S. Willan. The Muscovy Merchants of 1555..., p. 9.

[49] См. И. Х. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПБ. 1865—1869, стр. 52; J. J. Lubimenko. Les relations..., pp. 31—32.

[50] И. Х. Гамель. Указ. соч., стр. 253—255.

[51] T. S. Willan. The Early History..., p. 13.

[52] Впрочем, обстановка предоставления привилегий нарисована Т. Вилланом весьма живо (T. S. Willan. The Early History..., p. 103).

[53] При оценке событий 1569—1570 гг., как и более позднего времени (конца XVI в.), автор почти не касается внутреннего положения Англии и борьбы различных направлений английской внешней политики.

[54] Н. П. Черкашина. Указ. соч., стр. 155.

чане получили право монопольной торговли только на Белом море и должны были уплачивать пошлины, хотя и вдвое меньше остальных купцов. Розничная торговля и торговля с Персией были им запрещены.

В определении характера торговли конца XVI в. Т. С. Виллан несколько расходится с предшествующими исследователями. Указывая на различные трудности, в особенности финансового порядка, с которыми сталкивалась компания, Виллан подчеркивает, что в последние десятилетия XVI в. торговля с Англией приобрела особое значение для России; она значительно увеличилась даже по сравнению с 70-ми годами[55].

Автор рассматривает изменение англо-русской торговли непосредственно по десятилетиям — 60-е, 70-е, 80-е годы и конец века,— причем в основу периодизации он кладет чисто формальный признак. Однако англо-русскую торговлю второй половины XVI в. в связи с общим ходом внешнеторговых сношений России и политической обстановкой на Балтике следует подразделить несколько иначе — до 1559—1560 гг., то есть до начала «Нарвского плавания», с 1560 до 1581 г., одновременно с торговлей в Нарве, и, наконец, с 1581 по 1603 год.

Таким образом, изыскания зарубежных исследователей, несмотря на их явную тенденциозность, все же дают представление о торговых связях Руси с другими европейскими странами. В них вводятся в научный оборот новые архивные материалы о русско-французской, русско-английской и русско-датской торговле, трактуемые буржуазными историками преимущественно в духе экономического материализма.

Следует также подчеркнуть, что в зарубежной буржуазной литературе, прежде всего западногерманской и американской, бытуют идеи реваншистского направления «Ostforschung» о том, что торговля с нашей страной подрывала «интегральное единство» западного мира и была вредна для него как в XIV—XVI вв., так и теперь. Даже западногерманская историография вынуждена ныне отказаться от мысли о пассивном характере русской внешней торговли.

★

Для полного освещения рассматриваемой темы особенно важно исследовать структуру товарооборота и его динамику в течение XIV—XVI веков. Это необходимо для более ясного представления о социально-экономическом развитии Руси и каждого из ее контрагентов. Характеристику значения русской торговли в XVI в., хотя и несколько односторонне, дает Я. С. Лурье[56]. По его мнению, большая роль Руси в международной политике и экономике — лишь следствие высокого спроса Запада на русское техническое сырье (корабельный такелаж и корабельный лес). О роли русского рынка как потребителя товаров европейского производства и о его значении для развития последнего Я. С. Лурье не упоминает.

В современной буржуазной историографии вопрос о составе русской торговли с европейскими странами поставлен главным образом историками, представляющими экономическое направление. Одним из них является А. Аттман. Он подробнее других изучил структуру русского экспорта, составил таблицы экспорта по всем районам, связанным с Русью. В экспорте ливонских городов на первом месте стояли лен, конопл-

---

[55] В 1571 г. англичане снарядили к Св. Николаю 2 судна, в 1572 г.— 3, в 1574 г.— 11 к Нарве и Св. Николаю, в 1576 г.— 6 к Св. Николаю. в 1581 г. сюда же прибыло 13 кораблей, в 1582 г.— 11, в 1583 г.— 10, в 1584 г.— 10, в 1586 г.— 9 (T. S. Willan. The Early History..., pp. 132, 181).

[56] Я. С. Лурье. Внешняя торговля..., стр. 271. На роль русского рынка для развития Брюгге обратил внимание лишь М. П. Лесников (M. P. Lesnikow. Die livländische Kaufmannschaft..., S. 287).

ля, хлеб [57], первые два — русского и ливонского сельскохозяйственного производства, последний — только ливонского. Это показывает состав вывоза из Нарвы. В 1562—1565 гг. состав нарвского экспорта распределялся следующим образом: лен и конопля — 30,6%, сало — 15%, воск — 9,8%, кожи и меха — 43,7%, остальные товары — 0,9%, а в 1574 г. соответственно — 42,4%, 22,2%, 0,9%, 34,5% и т. д.[58].

Удельный вес русских товаров можно определить по таможенным книгам г. Любека 1492—1496 гг. [59], несмотря на неполноту содержащихся в них данных об общих размерах торговли тем или иным товаром. По подсчетам А. Аттмана, из Риги экспортировалось 17% льна, поступавшего в этот период в Любек, из Ревеля и Пярну —52%; из Прибалтики проходил почти весь любекский импорт конопли (61% из Риги, 36% из Ревеля), сала (22% из Риги, 60% из Ревеля), воска (22% из Риги, 73% из Ревеля), кож и мехов (5% из Риги, 52% из Ревеля) [60]. Данные зундских таможенных книг 1565—1567 гг. показывают, что в это время русские товары играли почти ту же роль на западном рынке, как и в предыдущий период. Резко упала только относительная роль воска. Из Нарвы в 1567 г. экспортировалось около трети общего вывоза льна и конопли, 94,6% сала, 23,2% воска, 81,1% мехов и кож [61]. Значительное место в составе русского экспорта занимали реэкспортные товары: шелковые ткани, шафран, имбирь и т. д.

Если изучение русского экспорта в какой-то степени может способствовать решению вопроса о социально-экономическом развитии Руси в условиях централизованного государства, то состав импорта и его размеры показывают значение русского рынка для развития более передовых в экономическом отношении стран Западной Европы и роль торговых связей с ними для экономического развития Руси.

На первом месте среди импортных товаров в течение этого периода оставались различные предметы потребления, на втором месте были товары, служившие сырьем для ремесла. Главным импортным товаром были сукна. Уже в 30-х годах XV в. в Ревель ежегодно поступало около 12 тыс. лакенов сукна, или 300 тыс. м [62], большая часть которого направлялась на Русь. В последнее десятилетие XVI в. вывоз сукон Русской компанией превышал полторы тысячи кусков в год [63].

Основными сортами сукон в XIV—XV вв. были фландрские и голландские, различной выделки и качества. Гораздо меньшую роль играли дешевые, скверного качества немецкие сукна [64]. В XVI в. ассортимент импортных сукон значительно расширился за счет чешской и моравской продукции. На второе место по сравнению с фландрскими выходили английские сукна.

Для правильного определения роли внешней торговли для Руси не-

---

[57] К сожалению, все статистические данные А. Аттмана относятся уже к самому концу XVI века. Но и они в какой-то мере отражают характерные черты русского рынка. Приведем некоторые данные: из Ревеля в 1586 г. вывозилось 14,9% льна, 10,6% конопли, 5,2% воска и 49,8% хлеба (A. Attman. Указ. соч., стр. 32).

[58] Там же, стр. 53.

[59] Fr. Bruns. Die lübeckischen Pfundzollbücher von 1492—1496. «Hansische Geschichtsblätter». 1904—1905, 1907, 1908.

[60] A. Attman. Указ. соч., стр. 47.

[61] Там же, стр. 50.

[62] Основу экономики города составляла посредническая торговля с Русью и Западной Европой, а потому импорт в Ревель с некоторыми оговорками можно считать характерным и для Новгородской Руси. Единственное исследование, специально посвященное ввозу, принадлежит перу К. Х. Засса (K. H. Sass. Hansischer Einfurhandel in Reval um 1430. Marburg. 1955). Эта работа заполняет пробел в истории внешней торговли города между второй половиной XIV в., изученной В. Штидой, Г. Лехнером и В. Коппе, и концом XV в., также хорошо известным по работе Ф. Брунса.

[63] T. S. Willan. The Early History..., p. 186.

[64] K. H. Sass. Указ. соч., стр. 80; P. Jeannin. Les relations.., p. 212.

обходимо рассмотреть круг потребителей импортных товаров. Легче всего это сделать, изучая динамику импорта сукон и, самое главное, изменение их сортов. Наиболее характерным явлением для торговли иностранными тканями в XVI в. явилось расширение удельного веса недорогих сукон (таких, как силезские, моравские и т. д.) и увеличение круга потребителей иностранных сукон на Руси.

Вторым по объему импортным товаром была соль. Правильно утверждая, что солеварение на Руси достигло значительного развития, советские исследователи обычно упускают из виду высокий спрос на соль, необходимую не только для употребления в пищу, но и в кожевенном деле. Между тем даже в более позднее время спрос на соль в значительной мере удовлетворялся за счет импорта. Размеры ввоза соли на Русь и в Прибалтику, как и в большинство других стран Европы, за исключением Франции и отдельных районов Северной Германии [65], были довольно велики. Ввоз соли продолжался и в XVI веке.

Незначительное место занимала соль в импорте английских купцов на Русь. Единственный раз — в 1560 г.— в Россию было отправлено 9,5 т соли [66]. Наоборот, во французском импорте в Нарву соль полностью преобладала. П. Жанен утверждал даже, будто от «экспорта соли из Франции на Балтику зависела вся навигация между этими двумя районами». Почти вся соль, ввозимая в Нарву, была французского происхождения; в 60-х годах XVI в. ее ввоз достигал 20 тыс. ластов в год, а в конце XVI в. он сократился почти вдвое [67]. Из других предметов потребления постоянно ввозились вина, в особенности из Франции [68].

Вторую группу импортных товаров составляли различные металлы и отчасти металлические изделия. Ввоз их имел место уже в XV в.[69] и значительно увеличился в первой половине XVI века [70]. Особенно остро ощущалась потребность в металле во время Ливонской войны. Медь, цинк, олово, свинец были необходимы для изготовления оружия. Русское государство могло получать вооружение через Нарву и Белое море. В советской историографии очень большое значение придается поставкам английскими купцами на Русь вооружения, но до сих пор не выяснено, каковы были фактические размеры ввоза этих товаров.

В разработке вопроса о структуре русской внешней торговли зарубежным историкам принадлежит ряд конкретных наблюдений, представляющих немалый интерес и позволяющих несколько уточнить сообщения русских источников.

Однако основной вопрос — вопрос о социальных последствиях внешней торговли для Руси и стран-контрагентов — в зарубежной буржуазной литературе не поставлен.

★

Подведем некоторые итоги. Вплоть до начала 40-х годов исследование русской внешней торговли было почти исключительной монополией немецких националистических историков, чем определялся и специфический подход к этой проблеме и узкий круг вопросов, подвергавшихся рассмотрению. В 40—50-е годы проблемами внешнеэкономических связей Руси XIV—XVI вв. начали заниматься историки Англии, Франции и

---

[65] A. Agats. Der hansische Baienhandel. Heidelberg. 1904; A. Bridbury. England and the Salt Trade in the Later Middle Ages. London. 1953.

[66] T. S. Willan. The Early History..., p. 53.

[67] P. Jeannin. L'économie française..., pp. 27—28. W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas..., S. 168.

[68] P. Jeannin. L'économie française..., p. 27.

[69] K. H. Sass. Указ. соч., стр. 93.

[70] W. Ebel. Das Revaler Ratsurteilbuch (Register van affsproken). 1515—1554. Göttingen. 1952, S. 73 u a.

других стран. Это значительно расширило тематику. Впервые в зарубежной историографии поставлен вопрос о русско-французской торговле, о «Нарвском плавании», усилилась работа по изучению русско-английских торговых связей и т. д.

В послевоенный период зарубежные историки ввели в научный оборот многочисленные архивные источники о морской торговле с Русью через Белое и Балтийское моря, о роли отдельных направлений торговли и составе товарооборота Руси и Западной Европы, удельном весе и происхождении различных импортных товаров, в том числе и благородных металлов. Однако большинство современных буржуазных исследователей Запада рассматривает проблемы торговли и товарного обращения в полном отрыве от социально-экономического развития стран-контрагентов. В современной буржуазной историографии до сих пор не поставлены такие важные вопросы, как влияние внешней торговли на социально-экономическое развитие Руси и стран, торговавших с нею, взаимосвязь восточной и западной торговли и т. д. Буржуазные авторы в своих трудах не показывают роль внешней торговли в укреплении и расширении товарно-денежных отношений, не рассматривают процесс складывания Русского централизованного государства. Но если ученые Англии, Франции и Швеции более или менее объективно изучают те или иные вопросы истории внешней торговли нашей страны, то реакционные западногерманские и американские исследователи следуют традиционным идеям «Ostforschung». Применительно к внешней торговле Руси XIV—XVI вв. они развивают две идеи. Согласно первой, внешняя торговля Руси представляла якобы угрозу для западного мира, поскольку она подрывала «интегральное единство» Европы; вторая сводится к утверждению, что в слабом развитии активной внешней торговли Русского государства проявилась будто бы исключительность исторического пути России.

Правда, значительная часть зарубежных ученых не разделяет этих реакционных идей и своими работами доказывает, что история внешней торговли нашей страны — одна из тех тем, в разработке которой возможно научное сотрудничество советских и зарубежных историков на базе изучения разнообразного документального материала, сосредоточенного в архивах Северной и Западной Европы.